

Дзинпэй Мацуда упрямо твердил, что он стопроцентный натурал... А-Эр задумчиво прищурился, взвешивая его слова.

— Слушай, а ты ведь не был тайно влюблён в Харуку?

Вот это поворот! Неудивительно, что Дзинпэй так безутешно рыдал, когда её не стало!

— Да я её только как младшую сестру воспринимал! — Мацуда чуть не поперхнулся от возмущения, искренне поражаясь ходу мыслей друга. — К тому же в те времена я почти всё время проводил с тобой и Хаги. Мы с ней толком-то и пообщаться не успели.

— О-о... Значит, ты всё-таки жалеешь об этом.

— Ты так ничего и не понял? — проворчал Дзинпэй. — Я тогда... просто...

«Мне было невыносимо больно оттого, что ты сам не мог проронить ни слезинки».

Последнюю фразу он так и не произнёс вслух. В этом не было никакого смысла — в ответ он увидел бы лишь искреннее недоумение на лице Кадзумы Арааки.

Разумеется, Харуку он оплакивал от чистого сердца. Сестрёнка друга, с которой они совсем недавно разучивали язык жестов, уплетали праздничный торт и беззаботно смеялись, всего через несколько дней оказалась в холодном гробу.

Как тут сдержишь слёзы? Но Кадзума... Кадзума даже заплакать не сумел.

При первой встрече Кадзума показался Дзинпэю на редкость неприятным типом: лицо как каменная маска, на вопросы не отвечает, угрюмый, замкнутый. Но вскоре от местных кумушек Мацуда узнал его историю. Мальчика спас его приёмный отец, господин Арааки, когда расследовал крупное дело о похищении детей. Родных ребёнка так и не нашли, в базах данных никаких зацепок не обнаружилось, поэтому его пришлось определить в приют.

Господин Арааки, чья душа была не на месте, втайне наведаясь в сиротское учреждение и застал мальчика в полном одиночестве — тот ни с кем не шёл на контакт. Посоветовавшись с женой, полицейский решился на усыновление.

У парня с самого детства обнаружилась какая-то пугающая, почти гипнотическая притягательность. Только за одну неделю приёмному отцу пришлось трижды разбираться с преследователями. Как-то раз среди ночи господин Арааки проснулся и увидел Кадзуму у своей постели. Тот совершенно спокойно, с лёгким оттенком досады сообщил, что под его кроватью кто-то притаился, а он понятия не имеет, что с этим делать.

Приёмный отец сперва подумал, что мальчику просто страшно спать одному, и хотел было его успокоить. Но когда он заглянул в детскую, то действительно обнаружил под кроватью притаившегося чужака и тут же его арестовал.

Соседки качали головами и жалостливо вздыхали: мол, бедный ребёнок пережил столько страха и горя, вот и замкнулся в себе.

Трудно описать, что творилось тогда на душе у юного Дзинпэя. Известно лишь, что в ту ночь он внезапно сел в постели и с досадой подумал: «Ну и сволочь же я!»

С того дня он стал навязываться Кадзуме в компанию. Мальчишка продолжал его игнорировать, но Дзинпэй больше не злился. Когда к Арааки попытался привязаться очередной скользкий тип, Мацуда без раздумий прогнал его. Он заделался верным телохранителем Кадзумы, оберегая его с преданностью сторожевого пса.

Эта вспыхнувшая в нём жажда защищать и колоссальное чувство ответственности помогли заглушить собственную боль и растерянность, вызванные арестом отца.

Заметив эти перемены, Кэндзи Хагивара тоже решил приобщиться и попытался завязать разговор с Кадзумой.

Но тот упорно игнорировал обоих. Его душа словно витала где-то в бескрайнем космосе, а сам он безучастно созерцал суету земного мира.

Лёд тронулся лишь тогда, когда Дзинпэй протянул ему обычное яблоко. Кадзума медленно повернул голову, посмотрел на него и тихо, но искренне поблагодарил.

В этот миг призрак, витавший где-то в облаках, наконец обрёл плоть и кровь. Мальчик впервые по-настоящему посмотрел на Дзинпэя.

Его алые, цвета спелой малины глаза засияли, точно далёкие звёзды, отражая ошеломлённое лицо Дзинпэя.

С того памятного дня они стали Взаимосвязанными судьбами.

Вспоминая это сейчас, Мацуда испытывал лёгкую досаду: они столько времени распинались перед ним, а ключом к сердцу неприступного А-Эра оказалось обыкновенное яблоко!

Нашупав верный подход к Кадзуме, друзья принялись регулярно подкармливать А-Эра всякими вкусностями. Тот частенько нёс несусветную чушь вроде: «Мне нужно исследовать границы Игрового пространства», «Шкала выносливости на нуле» или «Как прокачать характеристики?», но хотя бы начал им отвечать.

Другие дети завидовали и пытались выведать секрет их дружбы, однако Дзинпэй с Кэндзи лишь загадочно отмалчивались. Ещё чего! Они столько сил вложили в эту осаду, с какой стати делиться инструкцией с первыми встречными?

Конечно, они не мешали остальным общаться с А-Эром — если бы парень стал более открытым, это пошло бы ему только на пользу.

Вот только сам А-Эр ни к кому интереса не проявлял. И Дзинпэй втайне этим гордился.

Если в этом мире и существовало хоть что-то, по-настоящему дорогое Кадзуме Арааки, так это

его младшая сестра Харука.

Ради неё он прилежно осваивал язык жестов, неумело баюкал её, когда девочка заболела.

Он был готов на всё ради неё.

Но когда Харука умерла, он так и не смог выдавить ни слезинки. Это оказалось единственным, на что он был способен.

Осознав это, Дзинпэй ощутил укол безысходности. Если даже смерть любимой сестры не растопила сердце Кадзумы, то найдётся ли на этой земле хоть кто-то, способный пробудить в нём живые чувства?

Кадзума Арааки... Человек, который в минуты величайшей скорби лишь недоумённо оглядывался на плачущих людей и спрашивал, зачем они это делают.

Пустая, точно фарфоровая кукла, лишённая сердца.

Но ничего. Как любил повторять Хаги, у них впереди уйма времени. Они будут оставаться рядом, отогревая эту оледеневшую душу — точно так же, как растопили его молчание тем злополучным яблоком. Рано или поздно он обязательно...

Дзинпэю казалось, что эта идиллия продлится вечно. Да, они вырастут, разойдутся по разным школам, у каждого появится своя жизнь и новые знакомые. Но они ведь знали друг друга с пелёнок, были лучшими друзьями. Как бы далеко их ни забросила судьба, они всегда найдут время собраться вместе: развалиться перед телевизором, порубиться в приставку, поболтать по душам, подурачиться до изнеможения и уснуть на одном диване.

Но Кадзума оказался безжалостным. Он оборвал все связи одним махом и бесследно исчез. Даже приёмные родители не имели представления, куда он подался, зная лишь, что тот твёрдо вознамерился исполнить задуманное.

Позже Дзинпэй иногда улавливал на себе чьи-то внимательные взгляды из темноты. Но беглец двигался слишком стремительно — Мацуда никак не мог его выследить. Не сработали даже хитроумные ловушки, которые он из упрямства расставлял под собственной кроватью.

Он ни на секунду не сомневался, что Кадзума крутится где-то поблизости. В конце концов, стоило им с Хаги поступить на службу в отдел по обезвреживанию взрывных устройств, как раскрываемость преступлений взлетела до небес, а их экипировку модернизировали по последнему слову техники.

Такая жутковатая опека — будто дотошный геймер обустроивал безопасное пространство для своих любимых персонажей — была целиком и полностью в духе А-Эра.

«Да и бог с ним», — думал тогда Дзинпэй. Жив, здоров, занимается своими делами — и славно.

Он искренне верил, что всё наладится, пока как гром среди ясного неба не пришло известие о гибели Кадзумы.

Прощание устроили тихое и скромное, созвав лишь самый узкий круг. Тело так и не нашли, поэтому в могилу опустили гроб с его вещами.

Глядя на свежий холмик рядом с могилой Харуки, Дзинпэй тогда с горечью подумал: «Что, доволен теперь? Отдал жизнь за свою призрачную цель и в итоге упокоился бок о бок с той, кто была тебе дороже всех на свете. И плевать, что костей твоих не сыскать. Главное, ты рядом с ней. Счастлив, небось?»

Дзинпэй ушёл в свои мысли так глубоко, что опомнился, лишь когда А-Эр позвал его в третий раз. Всю дорогу до дома они лениво переругивались ни о чём. Стоило Мацуде отпереть дверь своей квартиры, как А-Эр, мгновенно освоившись, бесцеремонно взгромоздился на диван.

— Боже! — простонал он, утыкаясь лицом в подушку. — Твой диван просто божественен! Он что, из облаков сделан?

И как только Дзинпэй умудрился раздобыть такую мебель? Стоило прилечь, как веки наливались свинцом.

Мацуда примостился на низком табурете рядом, неторопливо достал из кармана пачку и вытянул сигарету.

А-Эр приоткрыл один глаз, лениво пошевелил пальцами, призывая поделиться куревом:

— Дай одну.

В его настоящем мире табак был под запретом, так почему бы не оторваться хотя бы в виртуальном пространстве?

— Сначала сядь нормально, — буркнул Дзинпэй. — Лёжа не дам.

— О-о-о... Ну тогда не надо, лень шевелиться. — А-Эр поудобнее устроил голову на мягком подлокотнике, всем видом демонстрируя, что намерен остаться здесь до конца своих дней.

— Хех, увидели бы тебя сейчас твои школьные фанаты, — хмыкнул Мацуда, прикуривая. — От бывшего обожания и следа бы не осталось.

— Ну и пускай. Всё равно для них я уже мёртв.

Наступила тишина. Так и не дождавшись ответа, А-Эр недоумённо покосился на друга.

— Дзинпэй?

Мацуда молча курил, глядя сквозь него.

Не сумев расшифровать этот сложный, тяжёлый взгляд, А-Эр захлопал ресницами, нехотя принял сидячее положение и решил перевести тему:

— Кстати, я смотрю, ты подозрительно быстро смирился с моим внезапным воскрешением.

Не считая первой минутной вспышки шока, Мацуда действительно на удивление легко принял случившееся.

— Неужели наш суровый полицейский верит в мистику? — хмыкнул А-Эр.

Впрочем, в этой игровой вселенной при должной удаче можно было наткнуться на шаблон «детектива, видящего призраков». Но разработчики всё же пеклись о балансе, так что откровенной чертовщины вроде исполняющего желания Дракона здесь обычно не водилось.

Хотя, если умудриться запустить скрытый лавкрафтовский сценарий, правила игры поменялись бы кардинально. Но сейчас был не тот случай.

— Да плевать мне на правила... — Дзинпэй стряхнул пепел. Мысли его явно путались, но голос прозвучал удивительно твёрдо и веско: — Ты живой. Это главное.

В этих словах сквозила непреклонная, почти осязаемая убеждённость.

— И ты даже не боишься, что я самозванец под личиной твоего друга?

— Издеваешься? Я знаю тебя со средней школы. Если только я окончательно не свихнулся и ты не плод моего больного воображения, я узнаю тебя из тысячи.

— Ого... Значит, у тебя часто бывают галлюцинации со мной?

Мацуда слегка смутился, но неохотно признался:

— Только когда прихожу прибраться на твоей могиле.

— Ну, теперь я буду маячить перед твоими глазами круглые сутки, — А-Эр дурашливо сложил пальцы в знак «v» и подмигнул. — Рад? Сюрприз!

— Обойдусь как-нибудь. Оставь эту радость своим обожателям.

— Ха-ха, признай, ты просто завидуешь моей популярности! — А-Эр самодовольно закинул ногу на ногу и состроил пафосную гримасу. — Как-никак я очаровательный злодей, так что армия поклонников мне положена по статусу.

Мацуда лишь закатил глаза, но этот наглец и не думал останавливаться. С детской непосредственностью и обезоруживающей прямоотой он безапелляционно заявил:

— К тому же ты ведь тоже меня любишь, Дзинпэй?

«И кто из нас старше?» — мысленно вздохнул полицейский, но всё же поднял руки в притворном жесте капитуляции:

— Да-да, конечно.

— Ого... А я-то думал, ты начнёшь отпираться. — А-Эр прекрасно знал, насколько дорог другу, но, учитывая колючий характер Мацуды, не ожидал такой лёгкой победы.

— Сейчас схлопочешь, — беззлобно огрызнулся тот.

«Точно, смутился».

А-Эр бесцеремонно ткнул его пальцем в бок:

— Дзинпэй?

—...

— Дзинпэй-тян?

—...

— Мой самый-самый любимый Дзинпэй-тян?

—...

«Ну всё, доигрался». Мацуда несильно толкнул его в грудь. А-Эр с готовностью повалился обратно на подушки, картинно, точь-о-точь как Системный гид, пискнул: «Ой!» — и раскинул руки, изображая невинную жертву.

Игнорируя это шутовство, Дзинпэй тихо спросил:

— Ты доволен?

Сигаретный дым медленно поднимался к потолку. Сквозь сизую пелену А-Эр не мог разглядеть лица друга — лишь напряжённые плечи и сильные руки.

Он мягко улыбнулся:

— Да, я счастлив. Здорово вот так сидеть с тобой и болтать обо всём на свете.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я. То дело, ради которого ты исчез... ты его закончил?

— В прошлый раз я потерпел фиаско, — вздохнул А-Эр. Первый раунд завершился сокрушительным провалом и плохой концовкой, так что игра осталась непройденной. — Но я не намерен сдаваться. Будешь за меня болеть?

Мацуда долго молчал. Прошло, может, секунд десять, прежде чем он обронил короткую, тихую фразу, которая растворилась в воздухе быстрее табачного дыма:

— На самом деле... я тебя немного ненавижу.

А-Эр уловил в его голосе неподдельную, глубоко запрятанную горечь.

— Знаю, — А-Эр приподнялся и положил ладонь на плечо друга, стирая между ними всякую дистанцию. — Но ведь ты всё равно меня любишь?

— Твоя правда, — Дзинпэй затушил сигарету и притянул его к себе, собственническим жестом обхватив за талию. — Куда я денусь.

В мгновение ока шутливое ребячество испарилось. Перед А-Эром снова сидел умудрённый годами, повзрослевший и рассудительный Дзинпэй Мацуда.

— Что планируешь делать дальше? — спросил он. — Я могу чем-то помочь?

— Не стоит в это ввязываться. Мало ли что случится...

— Тебе действительно пора завязывать со своей дурацкой привычкой всё контролировать, — негромко усмехнулся Мацуда. — Хотя кому бы говорить.

<http://bllate.org/book/18335/1760492>